

АЛЕКСАНДР НЕМИРОВСКИЙ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВОРОНЕЖСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ БОРОЗДИН

*Мне запомнился он среди книг,
На диване сидящим в раздумье.
«Вы Сергеева ученик?
До войны он, кажется, умер?»*

*И ко мне потянулась ладонь.
Синевой окаймленные пальцы.
Был похож этот старец седой
Отдаленно на сенегальца.*

*«Ганнибал был в нашем роду», –
Подтвердил он в то же мгновенье,
К моему прикоснувшись труду,
Он лежал у него на коленях.*

*«Ваша книга, – он ею потряс, –
Привлекла меня редким сюжетом.
Ведь никто не писал, кроме Вас,
О трагическом времени этом».*

Так в 1957 году началось моё знакомство с профессором Ильей Николаевичем Бороздиным, пригласившим меня на работу в Воронежский университет, где он заведовал кафедрой всеобщей истории. В те годы я работал над докторской диссертацией и часто печатался в академическом журнале «Вестник древней истории». Как оказалось, Илья Николаевич выписывал и этот журнал среди десятков других и, следовательно, должен был знать обо мне как об ученом. Однако его привлекла моя первая, почти ученическая книжка «Тиберий Гракх». И это стоило многого.

В одной из наших последующих встреч среди книг на диване я увидел повесть В. Яна «Огни на

курганах», присланной знакомой мне вдовою писателя Людмилой Васильевной и моим новым московским другом, сыном В. Яна, Михаилом Васильевичем Янчевецким. Тогда же Илья Николаевич дал мне прочитать свою рецензию на эту книгу. Я отметил прекрасное знание материала и превосходный русский язык. Разумеется, как рецензент Илья Николаевич был выбран неслучайно, ведь в Воронеж он прибыл из Ашхабада, где прожил несколько лет, и обладал знанием природы и места действия повести, посвященной походу Александра Македонского в Среднюю Азию.

Это была первая прочитанная мною работа моего заведующего кафедрой. Позднее появился библиографический указатель научных трудов Ильи Николаевича, составленный рано ушедшим из жизни учеником профессора, милым Виктором Афонюшкиным, а затем в 2000 году – книга «Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина» с приложением «Дарственные надписи на книгах из библиотеки И.Н. Бороздина».

Последнее повергло меня в шок. Оказалось, что Илье Николаевичу дарили книги и оттиски своих статей едва ли не все антиковеды первого двадцатилетия двадцатого века. Во всяком случае, не было ни одного из них, известных мне как специалисту по их трудам, кто не был бы лично знаком с Ильей Николаевичем: В.П. Бузескул, И.М. Гревс, А.А. Захаров, Е.Е. Кагаров, А.В. Никитский, И.А. Орбели, П.Ф. Преображенский, М.И. Ростовцев, Б.Ф. Фармаковский, Э.Р. Фельсберг, М.М. Хвостов, Е.А. Чернусов, П.Н. Черняев. И не менее широко, чем золотой век российского антиковедения, представлен серебряный век русской поэзии с такими именами, как В. Брюсов, М. Волошин, В. Иванов, С. Соловьев, С. Шервинский, Г. Шенгели. К ним можно присо-

единить С. Есенина и В. Маяковского. И не только. По подаренным Илье Николаевичу трудам видно, что он был знаком с выдающимися отечественными медиевистами, востоковедами, славяноведами, тюркологами, историками нового времени, философами и представителями других наук.

Для выяснения этого редчайшего феномена важна дарственная надпись патронессы Ильи Николаевича по Археологическому обществу графини Прасковьи Сергеевны Уваровой: «Любителю отдельных оттисков Илье Николаевичу Бороздину от автора». Итак, в сфере отношений с ученым миром Ильи Николаевич был коллекционером. Коллекционирование этого рода предполагает, с одной стороны, живой интерес к науке и её людям и уважение к собирателю – с другой. Не стали бы такие люди, как М. Ростовцев, «Моммзен XX века», и В. Виноградов, разбрасываться своими трудами. Дары были ответом на интерес, а ведь как часто мы сталкиваемся с безразличием и непониманием. Сам Ильи Николаевич не был ни антиковедом, ни славяноведом, ни историком нового времени. Он принадлежал к достаточно распространенному в годы его юности типу всеобщего историка, который мог работать в различных сферах.

В 1959 году в Воронеже был отмечен 75-летний юбилей Ильи Николаевича. По этому случаю я написал шутивную поэму «Бороздиниана», из которой в моей памяти сохранились лишь некоторые строки:

*Шипит вино. Оно длиннот
И славословий не выносит.
Оно докладчика не ждет.
Оно регламента не просит.
Оно без санкции бюро
На обсужденьи ставит точку.
Оно ведет моё перо,
Не мешкая, от строчки к строчке.
Пусть говорит ханжа иной,
Что не было на свете Ноя,
Но все равно люблю вино я.*

Вскоре подоспела и моя опубликованная в «Вестнике древней истории» реплика о юбилее Ильи Николаевича. Вскоре мне пришлось писать туда же и некролог.

В те годы я активно сотрудничал с «Исторической энциклопедией». Едва ли не в каждом томе появлялось до десятка моих заметок и статей. И, естественно, я ждал второго тома (1962) со статьей «Бороздин И.Н.». А вместо этого – звонок из редакции:

«Александр Иосифович! Ваша статья о Бороздине отвергнута, мнение было единодушным. О Ва-

Профессор И.Н. Бороздин

шем авторстве я не сообщила». Ещё один странный феномен. Я не собираюсь заниматься расследованием. Список членов, редакторов и консультантов раздела «Всеобщая история» имеется в начале каждого тома. Там присутствуют и имена ученых, приславших Илье Николаевичу оттиски. Не берусь я и объяснить мотивы, которыми руководствовалась редакция, но мне было до слез обидно за Илью Николаевича. Само название «энциклопедия» предполагает широту, которой в избытке обладал Ильи Николаевич. Её-то и не хватало анонимам.

НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА

В 2002 году увидела свет книга «Осип и Надежда. Мандельштамы в рассказах современников». Но на самом деле у этой книги еще одна героиня – Наталья Евгеньевна Штемпель – «ясная Наташа», без которой мы бы почти ничего не знали о поэте времен создания им «Воронежских тетрадей».

Шел третий год моей работы в Воронежском университете. Я завершал работу над докторской диссертацией по истории раннего Рима и часто бывал в Москве. Помнится, мой студент Игорь Алек-

Наталья Евгеньевна Штемпель

сандрович, большой шутник, говорил: «Александр Иосифович, Вы опять с московского трамвая?»

В тот день в купейном вагоне фирменного поезда № 29 у меня было нижнее место, и я надеялся выспаться. Войдя в купе, я увидел пожилую женщину, которая пыталась взобраться на верхнюю полку по лесенке. И, конечно, я ей предложил свое место. И больше я не ощущал дрожания вагона, не замечал остановок, я забыл о сне. Моя постель до рассвета оставалась нетронутой. Я был захвачен ритмом и смыслом стихов, о существовании которых не предполагал.

Конечно же, имя Мандельштама мне было известно, я когда-то открывал его «Камень», но это была совсем другая поэзия. И она родилась в городе, в котором я жил. И моя случайная попутчица слышала эти стихи в чтении самого Мандельштама. Воистину это была фантастическая ночь!

Через несколько дней я уже поднимался по лестнице на третий этаж облупленного дома на Никитинской и сидел на диванчике под книжной полкой. Затем через пару недель Наталья Евгеньевна заглянула ко мне на ул. Фридриха Энгельса. Мы стали совершать прогулки, и вместе с современным Воронежем из её рассказов вставал старый, разрушенный

во время войны город, по которому моя спутница, тогда еще молодая женщина, бродила вместе с Мандельштамом. Вот здесь, на этом месте, где теперь областная библиотека, на ступенях здания обкома Осип прочел Наташе посвященное ей стихотворение, поцеловал её в лоб и сказал: «Это – любовное стихотворение». А вот у этого дома была телефонная будка, откуда он звонил в ГПУ своему следователю и кричал: «Слушайте, слушайте, мне больше некому читать». А на этом месте в парке культуры им. Л.М. Кагановича была скамейка. Здесь они сидели, и он прочитал ей:

*Клейкой клятвой пахнут почки.
Вот звезда скатилась.
Это мать сказала дочке,
Чтоб не торопилась.*

И вскоре я уже ощущал присутствие Мандельштама. Он становился нашим спутником и через несколько лет, записывая её рассказ о воронежских встречах, чтобы побудить её самой взяться за перо, я делал это от своего имени, как очевидец: «Мы много ходили по Воронежу. Осип Эмильевич шагал, словно не замечая ничего вокруг, поглощенный собственными мыслями. Прямой, с запрокинутой назад головой, он мог показаться тем, кто его не знал, надменным, заносчивым. Как-то из оравы мальчишек вылетела реплика: “Генерал идет!” И тем удивительнее оказалось то, что наши почти каждодневные прогулки по чужому и, как я считала, малоинтересному для него Воронежу легли в строки стихов».

О ком это я писал, о Мандельштаме или о себе? Ведь благодаря Наталье Евгеньевне я полюбил чуждый мне Воронеж. Он для меня стал городом душевного равновесия и человеческой дружбы.

Вскоре ко мне из Москвы приехала моя жена Сима с дочерью-школьницей. Наталья Евгеньевна не стала третьей лишней. Она влилась в мою семью и иногда ночевала на полу. У нас тогда была одна комната.

Летом в Графской, где мы снимали дом у милой Полины Ионовны рядом с заповедным лесом из корабельных сосен, мы также жили одной семьей, хотя Наталья Евгеньевна снимала дачу напротив, которая практически стала моим кабинетом. В том 1962 году из меня потоком лились рассказы. В один из дней, когда у меня повысилась температура, я написал почти повесть «Белые, голубые и собака Никс», давшую название вышедшей в Москве книге рассказов. Все это писалось при Наталье Евгеньевне, и она была первой моей слушательницей. Тогда же из университетского издательства на несколько дней

А.И. Немировский в доме Н.Е. Штемпель (слева от него)

приезжал редактор. Он жил у Натальи Евгеньевны, и мы работали с ним в ее присутствии. Монография «История раннего Рима и Италии» увидела свет в том же 1962 году. К «Именному географическому указателю» имеется сноска: «В составлении принимала участие Н.Е. Штемпель».

Наталья Евгеньевна была нашей спутницей в поездке по Прибалтике и Украине. Мы ходили с ней по узким улочкам Таллина, взбирались на башни, посещали музеи. Мы вместе отдыхали в рыбацьем поселке Пленциемс, где в лесу я обнаружил следы находившегося при немцах концентрационного лагеря. Район этот был освобожден от оккупантов уже после дня Победы. В этом поселке я написал стихотворение и посвятил его Наталье Евгеньевне, моему другу:

*Отгородилось кладбищем от моря
Селение латышских рыбаков.
Покойники не отняли земли
У желтых нив и тучных огородов –
Они теснятся на крутом обрыве.
Под соснами, между песчаных дюн
Стоят кресты и слушают прибой,
Как гул времен, ушедших безвозвратно.
Порой заносит бурная волна
Кусок коры шль птичье перо
На холмики и на могильный вереск,
Или шагнет случайный пешеход.
Но в те часы, когда в поселок смерть*

*Заходит, как нечаянная гостья,
Уснувших будит необычный шум –
То колокол гудит над Пленциемсом,
И рокот меди вместе с гулом волн
Сливается в рыдающем ноктюрне.
Мне много в жизни радостей дано
И не устал еще я от скитаний,
И от борьбы с собой не изнемог.
Но если потеряю жизни цель я,
Хотел бы возвратиться в Пленциемс
И здесь остаться, чтобы слышать море.*

Как мой друг, Наталья Евгеньевна делила все мои радости и беды. Она «болела» за меня на защите моей докторской в актовом зале на Пушкинской улице (1965). Зал был полон, но, излагая с кафедры тезисы, я видел только её и ощущал её незримую поддержку. После церемонии оппонентов, профессоров из Москвы и Минска (С.Л. Утченко, А.Г. Бокщанин, Г.М. Лифшиц) и приглашенных членов ученого совета, среди которых был и великий византист А.П. Каждан, ждал сияющий белизной накрытый стол в квартире Натальи Евгеньевны. Для осуществления научной специализации на созданной мною кафедре истории Древнего мира и Средних веков в Воронеже не хватало специалистов. Приглашаемые мной ученые из Москвы, Ленинграда и Липецка Д.Б. Шелов, Т.И. Фармаковская, М.С. Слонимский останавливались и столовались у Натальи Евгеньевны.

Наталья Евгеньевна ввела меня в круг своих старых друзей и родственников. Почти каждую неделю Наталью Евгеньевну посещал ее младший брат Виктор, спортивно сложенный человек примерно моих лет, внешне напоминающий англичанина или шведа, неразговорчивый и совершенно далекий от литературы. К увлечению своей сестры поэзией и поэтами он относился иронически. Называл Надежду Яковлевну «Мендельштамшей», а большую часть посетителей дома сестры считал помешанными. И, конечно, Виктор Евгеньевич не позаботился записать свои воспоминания об одном из поразивших меня эпизодов своей военной биографии.

В 1942 году он был участником боев за Крым. На юго-восточный берег полуострова был переброшен наш безоружный десант (оружие обещали подвезти и немедленно) и взят немцами в плен. Пленников поместили в ближайшее здание школы под охраной нескольких немецких солдат. У Виктора и его друзей возник план перебить охрану и таким образом освободиться. Он не был поддержан большинством бойцов, опасавшихся риска. Однако был осуществлен. На свободу вырвалось лишь трое, в том числе и медсестра, женщина немецкого происхождения, жившая в районе Джанкоя, она и вывела беглецов в район деревни северной части Крыма и осталась там вместе со своим другом. Таким образом, Виктор Евгеньевич попытался выйти из захваченного фашистами Крыма один. Перешеек охранялся, и ему пришлось идти через Сиваш. По его словам, он был замечен румынским солдатом в высокой барашковой шапке (кучме), он в него не стрелял, а только поднес палец к своему виску, показывая русскому, что он безумец. Но Виктор в непроходимых болотах не утонул. Ему удалось обойти Азовское море и достичь плавней в устье Кубани, где кроме него было много беглецов, спасавшихся от немцев. Через несколько месяцев немецкая армия отступила к Ростову, и все беглецы были захвачены и помещены в подвал, где их несколько недель кормили одной сухой кукурузой. Настал день, когда их вывели наружу и командир сказал: «Штемпель, Вы направляетесь в военное училище». Всех остальных как дезертиров отправили в штрафбат. Войну Виктор закончил в Германии в звании капитана.

В Москве, у метро Рязанский проспект жила близкая подруга Натальи Евгеньевны Евгения Николаевна Перкон (Самохина), учившаяся вместе с ней на одном курсе педфака ВГУ и окончившая его в 1930 году. В отличие от неторопливой, по-немецки обстоятельной Натальи Евгеньевны это была, несмотря на свой возраст, живая и остроумная женщина. Дочь её, Наташа Самохина, работала в истори-

ческой редакции Большой советской энциклопедии. И мы там с ней нередко встречались.

До того как у меня появилась квартира в Медведково, Наталья Евгеньевна останавливалась у Евгении Николаевны, квартира которой превратилась в клуб любителей и знатоков творчества Осипа Мендельштама. Однажды сюда заглянул её ученик по училищу Шукина, известный драматург В.С. Розов. При нем Наталья Евгеньевна читала один из вариантов своих мемуаров, к которым она приступила после того, как не приняла предложенную мной запись её воспоминаний. И я услышал, что Осип Эмильевич сидел с нею на скамейке у памятника Кольцова: «Я около Кольцова / Как сокол закольцован». И тогда я перебил чтение: «Наталья Евгеньевна! Извините, Вы раньше этого никогда не говорили!» Она пунцово покраснела.

Это, как я помню, был единственный случай наивного вымысла. Во всем остальном рассказ ее был строго документален, а память её безупречной. Однако она говорила и записывала отнюдь не все, что помнила.

Однажды, когда её материалы были опубликованы в «Новом мире», в ходе одного из разговоров у меня вырвалось: «Как, Наталья Евгеньевна, он Вам письма писал? Откуда? Вы же оба жили в Воронеже!» Она несколько растерялась: «Ну да, Шура, он мне писал очень длинные письма». – «Наталья Евгеньевна, а что он Вам писал?» – «Вы знаете, Шура, у него ведь такой неразборчивый почерк...» И добавила: «Там было очень много стихов...»

Если я не ошибаюсь, впервые подборка стихов О. Мендельштама после 1930-х годов была опубликована в казахстанском журнале «Простор» в середине 1960-х годов, и, конечно же, я загорелся мыслью опубликовать в Воронеже написанные здесь же стихи. Мне стало известно, что где-то во Франции вышел роман «Воронеж», в котором любившийся мне город выведен в виде окруженного колючей проволокой огромного лагеря, где томился ссыльный поэт. Будучи членом партии, я отправился к секретарю обкома по пропаганде В.П. Усачеву и рассказал ему об этой книге, создающей за рубежом ложное впечатление о Воронеже, а, главное, совершенно не соответствующее действительности. Прочитав несколько запомнившихся мне строк из Воронежской тетради, я убедил своего собеседника, что Мендельштам любил Воронеж и отъезд его оказался трагедией. В результате было дано распоряжение о публикации стихов Мендельштама в журнале «Подъем». Я предложил журналу десять стихотворений Мендельштама и вступительную статью к ним, в которой я рассказал о том, что Мендельштам

был частым гостем в семье воронежской учительницы М. Штемпель (матери Натальи Евгеньевны). Ибо я опасался, что появление её имени в печати в связи с Мандельштамом может ей повредить, ведь она еще работала в Воронежском авиационном техникуме. Через некоторое время мне принесли гранки по объему в два раза меньшие моего оригинала. Мне объяснили, что сокращения добился цензор, заявивший, что нельзя писать о Мандельштаме как о Пушкине.

Журнал (1966, № 1) с этой публикацией разошелся в считанные дни. Потребовался дополнительный тираж. Ведь до издания первого сборника стихов Мандельштама под редакцией Н.И. Харджиева оставалось еще семь лет, более того, в Воронеж со всех концов нашей страны, а также из-за рубежа стали прибывать страстные поклонники поэзии Осипа Эмильевича. Подпись под статьей «А.И. Немировский, доктор исторических наук» адресовала их в университет, на исторический факультет, а оттуда я их направлял к Наталье Евгеньевне.

К этому времени в полном составе в Воронеж переехала моя семья, в квартире стало тесно, и маленькая комната в квартире Натальи Евгеньевны превратилась в мой кабинет. Не отрываясь от своих занятий, я слышал бесконечные звонки, через дверь доносился голос Натальи Евгеньевны, объяснявшей почти в тех же словах, что и мне, как она познакомилась с Осипом Эмильевичем и какие у них сложились отношения. Затем, видимо, поняв, что всё это мне мешает, она стала уводить своих экскурсантов из дома и общалась с ними по дороге, показывая им мандельштамовские места.

Вот тогда я и стал убеждать Наталью Евгеньевну, что ей необходимо написать мемуары, она же отговаривалась: «Шу-у-ра, ну как я напишу? Это же нескромно. Как я буду писать о нем? Мне же тогда придется написать и о себе». Теперь я понимаю, что в восприятии людей у нее не было иного ракурса, чем личный. Любой человек, с которым она в какой-то мере сближалась, становился частью её биографии. Вот в этом-то факте и заключается высочайшая достоверность её воспоминаний.

А тогда я ей только сказал: «Наталья Евгеньевна, Вы ведь не о себе пишете. Вы напишите – о Воронеже времени Мандельштама, о людях, с которыми он встречался, об обстановке, атмосфере...»

МОЙ ШКОЛЬНЫЙ УЧЕБНИК

Во второй половине 1950-х годов, во время так называемой оттепели, стала очевидной невозмож-

ность преподавания истории по учебникам старой поры. В Москве были объявлены конкурсы, предусматривающие вместо келейного назначения авторов их демократический отбор. Воронежский университет, всегда чуткий к политическим веяниям, не остался от этого движения в стороне. 11 апреля 1960 года состоялось объединенное заседание кафедр исторического факультета, на котором с энтузиазмом было принято решение об участии в этой акции. Тогда я и сделал заявку на написание учебника по древней истории и получил для этого соответствующий отпуск.

Хотя подчас я и руководил педагогической практикой, по сути, у меня не было опыта преподавания истории в школе, но к этому времени я уже был автором двух исторических повестей «Тиберий Гракх» и «За столбами Мелькарта», а также статей в «Детской энциклопедии». У меня выработался стиль художественного изложения исторических фактов, и мне наивно казалось, что это дает мне шансы на успех.

В ходе работы в московских библиотеках я обратился к опыту моих предшественников, дореволюционных авторов учебников и книг для чтения. У них можно было поучиться и форме изложения, и поэтическим приемам. К этому времени мой московский приятель, очень опытный школьный учитель Илья Маркович Белоковский снабдил меня действующим французским учебником по древней истории. Я обратил внимание на то, что имеющиеся в нем иллюстрации древних памятников включены в систему поурочных заданий. При подготовке того или иного урока ученик должен был их использовать и выполнять соответствующие, связанные с ними задания. Я заимствовал эту систему. И мой учебник наполовину состоял из текстов и иллюстраций преимущественно из музейных собраний нашей страны. Оставалось выбрать для учебника девиз. Не желая раскрывать «воронежского следа», я назвал его «Волга» и отнес на почту. Это было в высшей степени наивно. Комиссия, которая должна была осуществить выбор лучшего учебника (в неё, как впоследствии оказалось, входил и мой старый друг Даня Плотке), возглавлялась работниками Академии педагогических наук, и им были известны девизы своих сотрудников, участвующих в конкурсе.

Наступил день, и пришла газета с результатами конкурса.

Первую премию по категории «Древняя история» получил учебник, написанный Федором Петровичем Коровкиным, как мне вскоре стало известно, сотрудником Академии педагогических наук. Место второй премии оказалось не занято. Поощрительная же премия была назначена моей «Волге». Разумеет-

А.И. Немировский (справа) в Тарту изучает документы по истории Юрьевского университета. 1967 год

ся, я направился в издательство «Просвещение» в Марьиной роще, где работала комиссия по отбору учебника. Удивительным образом секретарем была женщина из Воронежа, сестра одного из обкомовских работников. При виде меня она залилась слезами. Не вдаваясь в подробности, она мне объяснила, что с помощью различных избирательных технологий, переголосований и прочего моя «Волга, уверенно занимавшая первое место, была низведена на поощрительное. Впоследствии один из сотрудников сектора древней истории Института истории Академии наук сообщил мне, что из пяти присланных им конкурсных учебников лучшим был сочтен учебник под девизом «Волга». Таков был «демократический» выбор на деле. Но я решил не сдаваться. Никому не сообщив, что я намерен принять участие в объявленном в то время конкурсе учебников для вечерних сменных школ, я взялся за переработку моей неудачницы «Волги». Был удален весь иллюстративный материал, изменена методическая система, предложены иные вопросы. Учебник стал неизмеримо хуже и был справедливо удостоен поощрительной премии. Первой, второй и третьей премии по этой номинации не оказалось.

В результате в 1962 году мой учебник вышел в свет и после этого издавался еще шесть раз. 3 октября 1964 года ученый совет исторического факультета Воронежского университета выдвинул мою

кандидатуру в члены-корреспонденты Академии педагогических наук по специальности «методика преподавания истории». В конце того же года в здании издательства «Просвещение» я случайно столкнулся с Сергеем Кара-Мурзой, многолетним редактором журнала «Преподавание истории в школе». Я его знал по истфаку МГУ, он мне бросил: «Рано тебе ещё в академики!»

Надо сказать, что я не огорчился. Методика преподавания истории не была моей стихией. В это время у меня, как никогда, потоком шла художественная проза. Случалось, что рассказ объемом до печатного листа писался за один день. В издательстве «Детская литература» вышла первая моя книга рассказов «Белые, голубые и собака Никс». Издавался и переиздавался мой исторический роман «Слоны Ганнибала». Эти книги выходили большими тиражами и переводились на иностранные языки. Их читателями были школьники всей нашей огромной страны. Много лет спустя я встречал людей с Салахиной, из Ашхабада, Львова и многих других городов, читавших мои книги и отзывавшихся о них с теплотой. Для многих они заменили учебники по древней истории, ибо они не только давали знания, но и будили воображение. Развитие воображения, особенно после того как отошел в прошлое классовый подход, стало основным принципом новой методики преподавания истории.